

АЛЕКСАНДР НАУМОВ

КОПЫ УБИЙЦЫ

АМЕРИКАНСКАЯ
ИСТОРИЯ
УЖАСОВ

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ТРИЛЛЕР

Александр Викторович Наумов
Копы-убийцы. Американская
история ужасов
Серия «Документальный триллер»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74324966

Копы убийцы. Американская история ужасов:

ISBN 978-5-00269-625-3

Аннотация

Это не просто сборник криминальных хроник. Это шокирующее, бескомпромиссное и глубокое исследование самого темного дна правоохранительной системы Запада, где те, кто клялся защищать закон, превращаются в его главных палачей.

Александр Наумов с хирургической точностью препарирует феномен полицейского насилия, проводя читателя через лабиринты судебных процессов, залитые кровью гостиные и мрачные коридоры власти.

Автор идет дальше. Он проводит шокирующие параллели между коррумпированными копами из Огайо, безжалостными «оборотнями» из Австралии и элитой полиции Балтимора, превратившей полицейский значок в лицензию на грабеж. Вы увидите изнанку системы: от сфабрикованных улик и подброшенных пистолетов до элитных отрядов, действующих как эскадроны смерти.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

От автора	6
Глава первая	10
Глава вторая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	54

**Александр
Викторович Наумов
Копы убийцы
Американская
история ужасов**

© Наумов А.В., 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

От автора

Вообще-то я хотел написать совсем другую книгу – только об одном полицейском, задушившем свою любовницу, находившуюся на девятом месяце беременности. В своё время эта дикая история расколола Америку на два лагеря: одни требовали для преступника кандалов, а другие – чтобы по этим кандалам пропустили ток. Но государство решило не раздувать пламя, а просто запереть его в склепе, выбрав компромисс, похожий на кривой хирургический шов. Преступнику назначили 57 лет обязательного «поста» перед любым намёком на помилование. Местная пресса мгновенно превратила приговор в эпитафию, подсчитав, что выйти на волю тридцатилетний арестант сможет лишь глубоким стариком. Если, конечно, его биологические часы не остановятся раньше тюремных.

Поначалу эта история притянула меня именно накалом страстей – таким, от которого воздух звенит, а слова в зале суда звучат, как удары молотка по стеклу. Но как передать этот накал на бумаге? Пересказывать комментарии читателей, следивших за процессом в СМИ, – значит утонуть в какофонии чужих голосов. Переписывать многостраничные материалы дела – значит таскать за собой чемодан с бумагами, которые кочуют из тома в том, так ничего и не объясняя. В итоге мой труд рисковал заинтересовать лишь фа-

натов Гэри Картрайта, прославившегося книгой «Обвиняется в убийстве». Если вы её не читали, приведу короткую цитату: «Каллен и Присцилла – единственные люди, знающие правду. Но кто-то из них лжёт. Когда время от времени их взгляды встречаются, один из них знает, что другой лжёт. Но никто, кроме них, не знает правды. Да, интересненькое дельце!»

Картрайт выпустил эту книгу в 1979 году и уже в предисловии честно выдал финал, сообщив о своём герое – вернее, антигерое, – что это «мультимиллионер, который может позволить себе нанять лучших адвокатов, не опасаясь при этом обанкротиться». Думаю, вы поняли намёк. Исход процесса был прозрачен, как витрина дорогого бутика. После оглашения приговора любой обыватель, следивший за делом, мог с чистой совестью бить себя в грудь и кричать: «А я это говорил!»

Но в деле «нашего» полицейского всё было иначе. Его обвиняли не только в смерти любовницы, но и в убийстве нерождённой дочери, а также в краже со взломом и надругательстве над трупом. Это был целый букет преступлений – ядовитый, тяжёлый, такой, что сам по себе тянул к смертному приговору. Отменить его могло лишь настоящее чудо.

Так у меня оказался сюжет, интригующий во всех отношениях, но при этом, признаюсь, местами нудный и слишком протокольный. В общем, по факту это был «сухой» судебный отчёт. И в какой-то момент я решил его сократить,

чтобы он читался, как говорят, на одном дыхании. Но стоило начать – и остановиться я уже не мог. Мне всё сильнее казалось, что самое главное сказано в первой главе, а остальное – лишь эхо.

Тогда и появилась идея дополнить книгу материалами других, желательно схожих, судебных процессов: сравнить их, разобрать, попытаться вычленить закономерности. Однако быстро выяснилось, что подобных дел – особенно процессов над бывшими полицейскими – во всём мире кот наплакал. Если копов и судят, то чаще за коррупцию или превышение полномочий. А вот за убийства...

Хотя, если верить статистике, убийства полицейские совершают ежедневно. И по той же статистике стреляют они не только в преступников, но и в тех, кто просто оказался не в то время и не в том месте. От их рук гибнут женщины и дети, старики и молодые, белые и чёрные. Есть и преступления, совершённые на бытовой почве, – самые вязкие и труднораскрываемые. Ведь убийцы в этих случаях сами являются сотрудниками полиции: они знают, как заметать следы, и почти всегда оказываются на шаг впереди тех, кому поручено расследование.

Так что первая глава этой книги стоит особняком. В ней нет ни погонь, ни стрельбы – вообще нет того драйва, который начнётся уже со второй главы. Там я сразу расскажу о полицейском, который стрелял во всё, что двигалось перед ним, а потом хвастался в местных СМИ: «Мы снесли ему

башку» или «Он выпал из машины мёртвым как гвоздь». В той же главе мы попытаемся нащупать корни полицейского беспредела, давно и пышно цветущего на Западе. Это важно понять, потому что уже с третьей главы мы вплотную подойдём к теме, вынесенной в название этой книги.

Дальше речь пойдёт о самых громких преступлениях, совершённых полицейскими в последние годы. Мы разберёмся, что толкало их на преступления, заглянем в материалы уголовных дел, узнаем, с какими трудностями сталкивалось следствие. Словом, вывернем эти истории наизнанку, примерив на себя роли прокуроров, адвокатов и детективов.

А из первой главы станет ясно, как устроено правосудие в западных странах: на чём строят свои позиции обвинение и защита, и что в конечном счёте может склонить чашу весов в умах присяжных. Впрочем, если вы не поклонник Картрайта и судебных прологов, эту главу можно пропустить. Правда, тогда вы так и не узнаете, какое именно чудо произошло в зале суда.

Глава первая

Три всадника

апокалипсиса Бобби Каттса

Гроссмейстер семейного хаоса. – Хоррор и «Горячая команда» WWE. – Розовый телефон и «Франклин» за молчание. – Отбеливатель для души. – Спектакль со «случайным локтем». – Скорбь по расписанию. – СМС-флирт на пепелище. – «Пододнок, но не убийца». – Когда стены начинают кричать.

Лето 2007 года в Лейк-Тауншипе обещало быть ленивым и душным. Это был один из тех городков, где совесть заменяет дверные замки, а соседи знают о вас больше, чем вы сами. Но 13 июня привычный уклад рассыпался в прах. 26-летняя Джесси Мари Дэвис зашла в местный маркет за покупками, вышла на залитую солнцем улицу и... растворилась в воздухе, словно мираж в пустыне.

На следующий день её мать, Патти Портер, осознала, что тишина в доме дочери – это не покой, а предвестник бури. Материнское сердце – самый точный сейсмограф, и оно уже било набат. Картина, представшая перед ней, была способна превратить кровь в лёд. Мебель, хранившая уют, была раскидана, словно щепки после кораблекрушения. Полицейские, привыкшие к простым сюжетам, поначалу кивали на

грабителей, но эта версия рассыпалась, едва они вдохнули воздух. Едкий запах отбеливателя буквально выжигал глаза. Злоумышленник пытался смыть правду химией, забыв, что кровавые пятна на совести не берёт ни один растворитель.

Посреди этого хаоса, как потерянный маяк в ночи, стоял двухлетний Блейк. Малыш лопотал слова, которые позже заставят всю Америку содрогнуться у экранов телевизоров. Его фраза «Мама на ковре» стала приговором, произнесённым шепотом. Блейк не просто говорил три слова – он видел финал, который не должен был коснуться глаз ребёнка. Кстати, ковёр исчез вместе с Джесси, заставляя думать, что каждое совпадение – это лишь плохо изученная закономерность.

Ирония судьбы была особенно горькой: Джесси находилась на девятом месяце беременности. Женщины в таком положении – это корабли, готовые встать на якорь в гавани материнства, а не беглецы, ищущие приключений в закатных лучах. Она не могла уйти сама. Дерево, полное спелых плодов, не улетает с ветром.

Городок превратился в гудящий улей. Тысячи добровольцев из Texas Equu Search – людей, которые едят горе на завтрак, – прочёсывали землю с таким остервенением, будто пытались выкопать справедливость из-под слоев местного чернозёма. Началась битва за правду, где каждый куст мог стать ключом к тайне, которую так тщательно заливали отбеливателем.

Спустя девять дней тишины, от которой звенело в ушах, лесная глушь округа Саммит неохотно выдала свою страшную тайну. Тело Джесси Дэвис нашли в парке Хэмптон-Хиллс – месте, где шёпот водопадов Кайахога веками заглушал любые крики. Природа, замершая в безмолвном почётном карауле у границ национального парка, стала невольным склепом для той, чья жизнь оборвалась на полуслове.

В тот же день обвинение предъявили Бобби Ли Каттсу-младшему. Местному полицейскому. Как выяснилось, для Джесси он был не просто «знакомым». Он был отцом Блейка – того самого малыша, которого он бросил одного в пустом доме, как ненужную декорацию. Он же был отцом нерождённой Хлои, чей первый вздох он оборвал ещё до того, как она увидела свет.

Но это была лишь верхушка айсберга, дрейфующего в море абсурда. Личная жизнь Бобби напоминала многослойный пирог, испечённый поваром-безумцем. В «официальном» секторе томила законная жена Келли, свято верившая в семейный уют. В «теновом» – резвилась целая сборная любовниц.

Масштаб его «репродуктивного подвига» поражал воображение: пока Джесси ждала ребёнка, ещё две пассии Бобби тоже готовились к визиту аиста, а третья уже всю воспитывала его дочь-подростка.

Этот парень не просто «ходил налево» – он устроил там полноценную колонизацию. Бобби жонглировал женщина-

ми, младенцами и потенциальными алиментами с ловкостью циркача, будто в его сутках было 48 часов, а в кармане – печатный станок для баксов. На суде он, конечно, пытался изобразить честного малого, мямля про «трудные разговоры о разводе». Но цена этим словам – ломаный грош в базарный день.

Этот сюжетный кульбит стал красной тряпкой для федеральных СМИ. Вся Америка замерла у экранов, будто на финале суперкубка по цинизму. У нации появился повод для коллективной паранойи: общественность увлеченно гадала, кто из этого «гарема» стоял следующим в списке на выбывание. В общем, Теодор Драйзер и представить не мог, что через 80 лет после выхода его *opus magnum* Соединённые Штаты потрясет драма, которую назовут новой американской трагедией.

Когда выяснилось, что Джесси была задушена, метафора о «нехватке воздуха» в жизни Бобби приобрела пугающе буквальный смысл. Оказалось, что когда узел лжи затягивается слишком туго, этот «герой-любовник» предпочитает просто перерезать нить. Вместе с горлом.

Процесс над Каттсом быстро перестал быть просто судом над копом-многожёнцем – он превратился в главную криминальную оперу десятилетия. Американские СМИ, эти признанные гроссмейстеры хайпа, вцепились в дело мёртвой хваткой. Если представить этот суд как большую влажную губку, то акулы пера выжали её так неистово, что из неё по-

текла не просто вода, а концентрированный яд, смешанный с историческим пафосом. Простого убийства им было мало – публике требовался символизм, мистика и налёт роковой неизбежности. И, разумеется, они его нашли.

Газетчики с восторгом описывали декорации. Бобби судили в зале, отреставрированном с истинно итальянским шиком. Белый дуб на стенах, два уютно потрескивающих камина – казалось бы, идеальное место для светского раута, а не для обсуждения трупа в ковре. Но вишенкой на этом торте стал дух места. Зал носил имя Уильяма Мак-Кинли, 25-го президента США, чей гигантский портрет нависал над судьей, словно немой укор всей человеческой низости.

Пресса буквально захлебнулась от восторга: убийцу судили в зале имени убитого. Журналисты пустились в такие исторические дебри, что запахло нафталином и дешёвым триллером. Вспомнили буквально всё. И то, как Мак-Кинли вёл свою «кампанию с крыльца», не уходя далеко от дома. И конечно, как его бездыханное тело вернулось в эти края после встречи с пулей анархиста.

Параллели проводились с маниакальной тщательностью. Газеты в красках расписывали роковой сентябрь 1901 года в Буффало, когда Леон Чолгош решил подправить историю штатов. Первая пуля тогда отскочила от пуговицы президентского смокинга. Судьба будто подмигнула Мак-Кинли, давая шанс. Но вторая была настойчивее: она вошла в живот и затаилась в спине, запустив механизм медленного

гниения.

Врачи, ослеплённые важностью момента, проглядели гангрену, которая пожирала президента изнутри, пока тот шептал свои последние смиренные слова о воле Божьей. Репортеры смаковали этот финал: когда Мак-Кинли медленно уга-сал, его убийцу уже вовсю готовили к свиданию с электрическим стулом.

Стеклянный взгляд прессы транслировал чёткий мес-седж: в этих стенах предательство и убийство всегда заканчиваются одинаково. Либо медленным гниением репутации, либо быстрым разрядом тока. Для Бобби Каттса, сидевшего в зале с портретом мученика-президента, это соседство явно не сулило ничего хорошего. Он был лишь мелким «анархистом» в собственной семейной империи, и его гангрена лжи уже давно стала достоянием общественности.

Но если история с призраком президента была лишь стильной декорацией, то дальнейшие подробности превратили дело в сюрреалистичный хоррор. В 2023 году, когда пыль времён уже почти осела, актёр и телеведущий Уилл Меллор решил разворошить это гнездо в своём мини-сериале про копов, преступивших закон. И седьмой эпизод напомнил сытой Америке, что реальность порой пишет сценарии, от которых тошнит даже выдавших виды криминалистов.

Выяснилось, что у нашего Бобби был специфический вкус на женщин. Он коллекционировал именно тех, чьи жизни напоминали зону турбулентности. Одной из дам в этом ко-

лониальном списке была Никки Джавазис. Пока Бобби патрулировал улицы Огайо и планировал свои семейные «перестановки», Никки, устав от провинциальной серости, рванула штурмовать Голливуд.

Благодаря внешности, которая могла бы остановить движение на оживленном хайвее, она приземлилась в эпицентре тестостерона и блёсток – лиге рестлинга WWE. В составе «Горячей команды» она озаряла своим присутствием WrestleMania XX. И именно здесь Судьба, явно находясь в состоянии тяжёлого похмелья, связала стезю провинциального копа-убийцы с самой громкой трагедией в истории спорта.

Главным триумфатором того шоу был легендарный Крис Бенуа. В свете софитов «Мэдисон Сквер Гарден», под дождём из конфетти, он рыдал от счастья, сжимая пояс чемпиона. Это был «золотой финал», идеал спортивного мужества. Но под стальными мышцами Бенуа тикала бомба, чей часовой механизм был повреждён сотнями ударов по голове и залит гремучим коктейлем из фармакологии.

Через десять дней после того, как Бобби Каттс задушил Джесси в Огайо, Крис Бенуа в Атланте устроил свою финальную битву – с собственной семьей. Оставленные у тел Библии стали жутким автографом безумца с мозгом 85-летнего старика, который сначала уничтожил жену и сына, а затем и самого себя. И пресса тут же объединила эти две истории. Журналисты вцепились в это совпадение, как бульдоги

в кость. Заголовок в Thirty Mile Zone кричал: «Что связывает детоубийц Каттса и Бенуа с Никки Джавазис».

Бедная Никки в одночасье превратилась в «чёрную вдову» национального масштаба. Пресса смаковала этот жуткий пасьянс. С одной стороны – бывший любовник (Каттс), убивший беременную женщину. С другой – коллега по шоу (Бенуа), вырезавший свою семью практически в те же даты.

Народ, обожающий простые объяснения для запредельного зла, тут же заговорил о проклятиях, сглазе и тёмной ауре. Бред? Разумеется. Но в мире жёлтой прессы бред – это валюта, конвертируемая в баснословные тиражи. Две синхронные трагедии, два детоубийцы и одна женщина, стоявшая на перекрёстке этих кровавых дорог. Бобби Каттс, мечтавший просто «избавиться от проблем», невольно стал частью глобального мифа о безумии, который Америка обсуждает до сих пор.

Круги от камня, брошенного Бобби Каттсом в лесное озеро, превратились в девятибалльный шторм, который начал топить всех, кто когда-либо находился с ним в одной лодке. Следующей «жертвой» в списке Никки Джавазис стал звезда НБА Шон Кемп. Стоило ему закрутить роман с Никки, как его карьера совершила эффектное пике в бездну. Легендарный Чарльз Баркли, не отличавшийся избытком такта, припечатал в эфире: «Если вы думаете, что Шон Кемп усилит вашу команду, значит, ваша команда – дерьмо!»

Сама же Никки, кажется, нашла в этом хаосе свой истин-

ный призвание. Издание Cleveland Scene вынесло безжалостный вердикт: она стала суперзвездой не благодаря таланту или выдающимся формам, а благодаря своему феноменальному дару находить худших мужчин на планете. Никки превратила трагедию Джесси в свой личный бенефис. Она кочевала из студии в студию – от CNN до «Доброго утра, Америка», – примеряя на себя образ выжившей в схватке с чудовищем. В эфире ABC News она с придыханием рисовала портрет Бобби как домашнего тирана.

«Я всегда знала, что он меня прикончит», – вещала она в микрофон. И рассказывала о том, как доблестный коп втапывал её в пол, и тренировал на её горле те самые приемы удушения. В качестве главного реквизита выступали воспоминания о шейном бандаже, который ей пришлось носить после одной из «дискуссий» с Каттсом. «Он верил в свою неприкосновенность под прикрытием жетона», – бросала она в камеру, методично вбивая гвозди в гроб репутации бывшего любовника.

Адвокаты Каттса в это время буквально рвали на себе волосы. Никки не была свидетелем в суде, но она стала судьей в зале общественного мнения. Защита пыталась убедить присяжных, что всё это – лишь грандиозный пиар на трупах, месть отвергнутой женщины, которая решила монетизировать свои старые обиды.

В суде даже всплыл эпизод, достойный боевиков категории «Б». Однажды Каттс вломился в дом Никки, застав там

Шона Кемпа. Похоже, Бобби был из тех парней, кто искренне считает, что «бывшая» – это юридический термин, означающий пожизненную собственность. Он не умел отпускать ни женщин, ни свои привычки. И пока юристы спорили о фактах, Америка уже вынесла свой вердикт. Бобби Каттс был признан монстром ещё до того, как судья успел коснуться молотком стола. А Никки Джавазис доказала, что в современном мире даже самая грязная история может стать отличным трамплином, если вовремя надеть правильный бандаж и найти нужную камеру.

Но самый изысканный десерт в этом трагифарсе судьба-кондитер подала спустя годы, когда дочь Бобби и Никки окончательно созрела... Не удивляйтесь её внезапному выходу: она «выпекалась» буквально на ваших глазах в начале главы. Но если вам лень перечитывать – это девочка-подросток из девятого абзаца.

Так вот, она выросла, завела блог и стала очередной иконой соцсетей. Ну а когда подписчики, вооружившись дешёвой психологией, спросили её: «Тейлор, а правда ли, что девушки ищут парней, похожих на отцов?», она отрезала так, что экран смартфона едва не треснул.

В общем, в тот момент это был Зевс в юбке, вспыхнувшей от его же молнии. Тейлор заявила, что папаша бросил их с матерью ещё до того, как она научилась завязывать шнурки. И пока догорает её юбка, зададимся резонным вопросом: кто же так бережно вложил эту версию в её голову? Неуже-

ли Никки, которая годами кормила дочь сказками о «папе, который просто ушёл за сигаретами и не вернулся»?

Давайте на секунду включим логику, которой так не хватало в этом деле. Если Никки врала собственной дочери десятилетиями, то какова цена её пламенных интервью на CNN? Посудите сами: если парень бросает девушку, зачем ему потом с боем прорываться в её дом, где она милуется со звездой НБА? Чтобы что – совершить повторный побег, но уже с элементами паркура?

Это звучит как бред сумасшедшего. Очевидно, что Бобби не «бросал» Никки – он был одержим ею. И в той конкретной сцене убийством даже не пахло – пахло банальной, грязной ревностью собственника. Но Никки нужно было вылепить из себя жертву мирового масштаба, и она справилась с этой ролью на «отлично».

В итоге Никки Джавазис получила всё, о чем мечтала, когда уезжала из своего захолустья. После бесконечного марафона по ток-шоу её наконец заметили в Голливуде. Ей предложили роль официантки в комедии «Не шутите с Зоханом» с самим Адамом Сэндлером.

Символизм здесь просто зашкаливает: премьера фильма состоялась ровно через пять месяцев после того, как Бобби Каттса признали виновным по всем пунктам и отправили в места не столь отдалённые. Пока Бобби примерял тюремную робу, Никки примеряла фартук официантки под светом софитов. Впрочем, мы ведь забежали вперёд, хотя ещё до кон-

да не выяснили, а что же происходило на этой дистанции до вынесения приговора Каттсу.

Итак, когда дело дошло до финальных раундов в зале суда, адвокат Фернандо Мак решил пойти ва-банк. Понимая, что его подзащитный выглядит в глазах публики как помесь Си-ней Бороды с неисправным терминатором, Мак решил сыграть на контрастах.

Сегодня, копаясь в архивах и стенограммах (например, в публикациях The Plain Dealer), любители юридических головоломок находят в словах защиты почти героическую попытку плыть против течения. Мак начал свою речь не с оправданий, а с прямого хука в челюсть присяжным: «Вы уже в полной мере возмущены?» Защитник Фернандо Мак развернул перед судом настоящую психологическую карту, пытаясь отделить зёрна холодного закона от плевел праведного гнева.

Его стратегия была проста и цинична одновременно. Он признал, что фотографии безжизненного тела Джесси – это удар под дых. Он согласился, что вид брошенного малыша Блейка в пустом доме – это нож в сердце любого нормального человека. Он даже не стал отрицать «парад невест», которых обвинение выводило на сцену одну за другой, чтобы доказать, что Бобби превратил свою личную жизнь в беспорядочную стройплощадку.

Но вот здесь Мак и расставил свой главный капкан. Его стратегию можно описать фразой: «Да, он подонок, но он не убийца». Иными словами, моральное уродство – это ещё

не отягчающее обстоятельство. Адвокат пытался внушить присяжным, что возмущение – это плохой компас для правосудия. Он мастерски разделял понятия: Бобби Каттс может быть «отцом года» со знаком минус, патологическим лжецом и бабником мирового масштаба, но юридически это не равносильно заранее спланированному хладнокровному преступлению.

Защита пыталась выдать убийство за трагическую вспышку гнева, за случайный обрыв провода в перегретой системе, а не за коварный план. Мак буквально просил присяжных «выключить сердца» и включить калькуляторы, подсчитывая сухие факты, а не капли слёз в эфире федеральных каналов.

Для многих читателей сегодня это выглядит как попытка найти «смягчающие обстоятельства» в биографии человека, который сам же эти обстоятельства и создал. Но в этом и заключалась магия Мака: превратить «армию любовниц» из позора в простое «статистическое излишество», которое не должно влиять на приговор.

Если прокуратура рисовала портрет хладнокровного мясника, то защита представила присяжным совсем другого Бобби – почти святого мученика, который просто «неудачно зашёл за сыном». Мак ехидно заметил, что прокуратура вытащила на свет «армию любовниц» только для того, чтобы замутить воду и заставить присяжных испытывать к Бобби чисто человеческую брезгливость. «Какое отношение его

романы имеют к делу?» – вопрошал он, будто Бобби коллекционировал марки, а не обманутых женщин.

Мак прошёлся и по заключению судмедэксперта, как бульдозер. «Где здесь слово “удушение”?» – удивлялся он. По его логике, раз эксперт написал туманное «насильственные действия», то прокурор с таким же успехом мог заявить, что Бобби расстрелял её из гаубицы.

Картина убийства в изложении защиты выглядела как трагифарс. Утром 14 июня Бобби, этот «жаворонок правосудия», встал пораньше, чтобы доехать до Джесси, которой он обещал забрать в тот день сына. Джесси медлила, Бобби торопился, начался бытовой скандал.

По версии Мака, всё пошло не по плану, когда Джесси проявила «излишнюю остроту» и – о, ужас! – укусила офицера за палец.

И тут Бобби, чисто на рефлексх, отработанным движением впечатал ей локтем в горло. А дальше – сплошное милосердие. Бобби паникует, делает искусственное дыхание, массаж сердца... «Ситуация просто вышла из-под контроля», – сокрушался адвокат. Мол, с кем не бывает: пришёл за ребёнком, случайно отправил мать на тот свет.

Затем на сцену вышла адвокат Кэролин Ранке, решившая добить обвинение сухой бухгалтерией и химией. Прокуроры шептались о долгах, толкавших Бобби к пропасти? Ранке лишь рассмеялась им в лицо. «У него был кредит, он платил вовремя», – отрезала она. Видимо, по её логике, человек с

хорошей кредитной историей априори не может совершить убийство.

Защита праздновала победу над отсутствием улики. Нет крови – нет дела. А знаменитый отбеливатель, найденный в доме? «Чистая случайность», – заявила Ранке. А то, что в доме не нашли даже отпечатков пальцев самого Бобби, который якобы делал там массаж сердца? Это не замечание следов, это просто... ну, вот такой он чистюля.

Ранке и Мак пытались убедить присяжных, что перед ними не сцена из триллера, а всего лишь «дело о том, что произошло между Джесси и Бобби». Без взлома, без умысла, без финансового краха. Просто локоть, просто паника, просто ковёр, в который он – видимо, тоже в состоянии аффекта – завернул тело и вывез в лес.

Защита в лице Ранке до последнего пыталась превратить судебный процесс в философский диспут о терминах. «Неустановленное насильственное преступление» – разве это звучит как приговор? «Это ли доказательство вне разумных сомнений?» – вопрошала она, намекая, что раз медицина не может ткнуть пальцем в конкретный синяк, то и Бобби чист, как стёклышко. Смерть нерожденной Хлои она и вовсе списала на «сопутствующий ущерб»: мать умерла – ребёнок перестал дышать, какая уж тут преднамеренность?

Но тут на сцену вышел прокурор Барр, и воздух в зале Мак-Кинли заметно похолодел. Барр не стал церемониться с образом «раскаявшегося копа». «Он привёл нас к телу, по-

тому что его грызло чувство вины? Да ладно вам», – бросил Барр, и в этой короткой фразе отразилось всё презрение к девятидневному спектаклю, который Бобби разыгрывал перед городом.

Прокурор резонно заметил: легко жаловаться на отсутствие «неопровержимых доказательств», когда ты сам их уничтожил, вымыл с отбеливателем и закопал в лесу. Бобби надеялся, что раз нет отпечатков, то его слова станут истиной в последней инстанции. Девять дней он лгал как дышал, а на десятый вдруг решил, что мир должен поверить его сказке про «неудачный локоть».

После чего Деннис Барр выложил на стол свой главный козырь. И козырь этот звали Майша Феррелл. Это была не просто случайная свидетельница. Это была старая боевая подруга Бобби, которую он знал ещё со школьной скамьи. Та самая категория друзей, которым звонят, когда нужно спрятать труп. И Бобби позвонил. Показания Майши Феррелл превратили зал суда в кинотеатр, где крутили фильм ужасов.

Школьная подруга, ставшая невольным ассистентом могильщика, расставила все точки над «i». Представьте эту картину: 6:00 утра, свежесть рассвета, и Бобби в своем пикапе, раскалывающийся, как дешевый фарфор. Он не просто со-знается – он демонстрирует тот самый «локоть судьбы», превращая убийство в технический этюд.

Но настоящий сюрреализм начался, когда Бобби кивнул на кузов: «Она там». Из-под старого ковра в кузове полицей-

ского авто сиротливо торчали ноги женщины, которую через пару часов начнут искать тысячи людей. В этот момент пикап превратился в катафалк с мигалками, катящийся по мирным улицам под аккомпанемент утренних новостей.

По дороге к парку Хэмптон-Хиллс Бобби решил поиграть в шпиона. Он протянул Майше розовый телефон Джесси. Щелчок, полёт в окно – и одна из главных цифровых улик исчезла в придорожной траве. Цена за всё это «удовольствие» – участие в выгрузке тела, молчание и ложное алиби – составила ровно 100 долларов. Прокурор Барр наверняка смаковал эту деталь: жизнь беременной женщины и честь офицерского мундира Бобби оценил в одну помятую купюру с портретом Бенджамина Франклина.

Но настоящий «пик мастерства» начался после того, как Джесси присыпали землёй. Бобби, этот гроссмейстер симуляции, запустил процесс создания «цифрового алиби». Он названивал мёртвой женщине, чей телефон только что улетел в кювет. Он оставлял сообщения, полные «тревоги», работая на статистику сотового оператора.

На следующий день он позвонил Майше – человеку, который вчера видел торчащие из-под ковра ноги! – и с придыханием сообщил: «Мать моего ребёнка пропала». Он не просто заметал следы, он переписывал реальность, в которой он – заботливый отец и беспокоящийся партнер, а не убийца, жалующийся на укушенный палец.

После таких показаний «локоть» адвоката Мака стал вы-

глядеть как детская припухлость. Присяжные смотрели на Бобби, а видели человека, который спокойно ехал по городу с телом в кузове, жонглируя телефонами и стодолларовыми бумажками.

Затем прокуроры вызвали «команду поддержки» – сотоварищей Бобби по софтболу. Уильям Мозес и Джеймс Лэдсон подтвердили, что за ночь до убийства Бобби вёл себя как обычный парень: играл в мяч, пил пиво в таверне до полуночи. Вся эта «массовка» была нужна Барру для одного: показать, что Бобби не был «безумцем в аффекте». Он был человеком, который привык жонглировать жизнями, женщинами и временем.

Появление одной из пассий Бобби – Стефани Хоторн в зале суда добавило в дело нотки леденящего душу сюрреализма. Если бы существовала премия за самое циничное совпадение года, Стефани забрала бы её без конкурса. Представьте этот график в ежедневнике нашего «героя-полицейского».

◆ 14 июня, 2:00 ночи. Бобби воркует со Стефани по телефону. Он где-то в машине, в темноте, за несколько часов до того, как его руки сомкнутся на шее Джесси. Стефани даже не подозревает, что она – лишь одна из многих в его «листе ожидания».

◆ 14 июня, утро. Бобби убивает Джесси и избавляется от тела.

◆ 15 июня. Пока вся округа в панике ищет пропавшую беременную женщину, Стефани Хоторн отправляется в кли-

нику и делает аборт.

Да-да, это был очередной «плод любви» Каттса. И пока полиция прочёсывала леса в поисках одной жизни, Бобби методично «подчищал» концы в другой. В тот день он избавился от улик в лесу, а его любовница — от живого напоминания об их связи в операционной. Потрясающая командная работа, пусть и неосознанная.

Особенно пикантно звучит деталь о том, что 14 июня — в день самого убийства — Стефани и Бобби «часто разговаривали». Пока он паковал тело в ковёр и решал вопросы с Майшей Феррелл, он находил время, чтобы поддерживать статус «парня на связи». Видимо, многозадачность Бобби не знала границ: одной рукой жонглировать трупом, другой — успокаивать очередную пассию.

Как иронично заметил бы сторонний наблюдатель: в жизни Бобби Каттса 15 июня стало днём «великого обнуления». Одну проблему он решил с помощью локтя и ковра, вторую — руками хирургов.

В общем, этот этап судебного процесса превратился в настоящий сеанс массового разоблачения, где новая свидетельница добавила красок в портрет Бобби Каттса как «много-станочника» национального масштаба.

Стефани Хоторн продолжала радовать суд деталями их «высоких отношений». Когда новость об исчезновении Джесси Дэвис взорвала эфиры, Бобби не растерялся и примерил маску глубоко потрясенного отца. «Не могу говорить,

с мамой Блейка что-то стряслось», – бросил он Стефани, создавая образ человека, чья жизнь рушится.

Ирония ситуации была в том, что Стефани узнала о беременности убитой соперницы... из телевизора. Пока Бобби изображал траур, его любовницы по всей стране прилипали к экранам, гадая, сколько еще «матерей Блейков» прячется в шкафах этого доблестного офицера.

Вершиной «женской дипломатии» стало субботнее сообщение Стефани, которое вполне могло бы сойти за открытку из ада. Пока Бобби старательно работал «уборщиком» – избавляясь от улик и того, что ещё недавно имело потенциал стать человеком, – на его телефон прилетело нечто прекрасное: «Разве ты не рад, что тебе не придётся узнавать обо мне и другом парне?»

Это не просто СМС, это настоящий мастер-класс по оптимизации реальности. В мире Стефани аборт превратился в акт исключительной преданности. Она фактически поздравляла Бобби с тем, что остаётся «чистым листом», не обременённым лишними связями. Под «другим парнем» она, с поистине хирургическим изяществом, подразумевала собственного нерожденного сына, которого только что вычеркнули из списка живых при помощи акушерских ножниц.

Возможно, это тот самый специфический юмор, который подают холодным в лучших американских пригородах. И это не просто чёрный юмор, а настоящий каннибальский оптимизм. Она словно предлагала Бобби сделку: «Посмотри, ка-

кой я удобный гаджет! В комплекте идут функции автоматической очистки истории и удаления нежелательных файлов».

Она фактически поздравила его с тем, что их роман остался стерильным, как операционная. Никаких пелёнок, никаких алиментов, никакой конкуренции со стороны существа, которое имело наглость претендовать на её внимание.

А может, Стефани просто проводила маркетинговую презентацию «удобной женщины». Она выставила счёт за верность, оплаченный кровью, и искренне ждала, что Бобби оценит этот «бонус лояльности». Похоже, в её системе координат это выглядело как идеальное резюме: «Я избавилась от конкурента в зародыше – буквально. Цени мой подарок». Другими словами, уничтожив «биологический черновик» их любви, она не просто поставила точку – она украсила её кокетливым бантиком.

Следом за Стефани на трибуну поднялась Дениз Хайдет, с которой у Бобби тоже были отношения. Её показания подтвердили, что Бобби жонглировал женщинами с ловкостью циркового артиста. Дениз знала о жене, знала о Джесси и их первом ребёнке, но вот новость о второй беременности Джесси стала для неё «огорчением». Она искренне расстроилась. Не тому, что Бобби – патологический лжец, а тому, что «конкурирующая фирма» расширяет производство.

Этот парень не просто ходил налево. Он выстроил целую инфраструктуру лжи, где каждая женщина была надёжно изолирована в своём маленьком пузыре надежды, пока

Бобби методично эти пузыри лопал.

Адвокат Мак, понимая, что отрицать само убийство – затея гиблая, сосредоточился на филигранном демонтаже обвинения. Его главной мишенью стала статья о краже со взломом. В судебной системе Огайо это не просто формальность: если убийство совершено в процессе другого тяжкого преступления (того самого взлома), Бобби Каттс автоматически переходит в «высшую лигу» – ему светит смертный приговор.

Мак настаивал: какой может быть взлом, если Бобби – отец ребёнка и частый гость? В такой ситуации взломом пахнет не больше, чем в кондитерской – жареным луком. Но прокуратура уже готовила свой юридический капкан, утверждая, что статус «гостя» мгновенно испаряется, как только этот гость начинает сжимать руки на горле хозяйки.

Для защиты было жизненно важно доказать, что Бобби зашёл в дом «легально» и всё произошедшее было лишь «трагической случайностью» внутри бытового спора, а не спланированным вторжением хищника.

Логика защиты была проста, как кирпич: «Посмотрите на эти двери! Они целы. Посмотрите на окна! Ни одного разбитого стекла. Какой же это взлом? Это просто визит вежливости, который закончился... неудачно». Для Мака было критически важно вычеркнуть слово «взлом» из дела, ведь именно оно превращало обычное убийство в преступление, караемое смертной казнью. Он пытался убедить присяжных,

что Бобби зашёл в дом как законный отец ребёнка, а не как ночной налётчик.

Однако прокуратура не собиралась отдавать этот раунд без боя. Они выдвинули теорию, которая звучит как изящный юридический парадокс: «Взлом без взлома». И доказательства обвинения были беспощадны. Даже если Джесси сама открыла Бобби дверь, улыбнулась ипустила его внутрь, её согласие на его присутствие имело «срок годности». И этот срок истек ровно в ту секунду, когда Бобби сжал пальцы на её шее.

Прокурор фактически заявил: насилие – это универсальный аннулятор любых приглашений. Как только «желанный гость» превращается в «палача», его юридический статус мгновенно меняется. Ты не можешь считаться гостем в доме человека, которого ты в этот момент убиваешь.

Таким образом, зал суда превратился в арену борьбы двух реальностей. Для защиты Бобби был «своим парнем», который зашёл в открытую дверь и просто не совладал с эмоциями. Для обвинения же он был хищником, который использовал своё право входа, чтобы совершить казнь, тем самым превратив мирный дом в место преступления, а свой визит – в незаконное вторжение.

Эта битва за слова имела леденящий подтекст: от того, какой словарь выберут присяжные – «бытовой конфликт» или «кража со взломом», – зависело, уйдет ли Бобби Каттс из этого зала в камеру смертников или получит шанс на жизнь

за решёткой.

Прокурор Крисса Хартнетт решила, что обычного перечисления статей УК для этого дела маловато, и переквалифицировалась в инженера человеческих душ. В своём выступлении она совершила изящный лингвистический пируэт, втиснув всю трагедию в одно-единственное слово – «давление». Она не просто зачитывала обвинение, а увлечённо рисовала присяжным портрет перегретого парового котла, который решил, что лучший способ выпустить пар – это кого-то убить.

Хартнетт возвела целую пирамиду из жизненных неурядиц подсудимого, доказывая, что «доблестный рыцарь» в патрульной форме жил в настоящем филиале преисподней. По её версии, беднягу планомерно зажимали три гигантских рычага, не оставляя выбора: либо самоликвидация, либо «устранение» источника шума. Ведь то, что наш герой считал увлекательным квестом по коллекционированию женских сердец, внезапно обернулось вязкой трясиной.

Его личная «паутина любви» оказалась на редкость некачественной. И вместо того чтобы ловить мух, он сам запутался в ней по самые уши. Каждая новая пассия из трофея превращалась в инспектора по налогам, требующего свою долю времени, нервов и, упаси боже, искренности. Вторым рычагом был экономический пресс, который работал с изяществом гильотины. Перспектива пожизненной подписки на алименты и вечное рабство у кредиторов рисовались ему яр-

че, чем огни ада.

Когда внутренний манометр зашкалил, а стрелка вышла в красную зону, произошёл долгожданный «выброс энергии». Финальный аккорд этой симфонии разрушения был исполнен не на скрипке, а на горле Джесси Дэвис. В извращенной логике подсудимого, убийство стало своего рода «предохранительным клапаном». Он просто «сбрасывал пар», чтобы его драгоценное эго не разлетелось на куски.

Эти объяснения стали для прокуратуры идеальным мостиком к пониманию того, почему «нормальный парень» и коп вдруг превратился в палача. «Он душил её своими руками, а его самого душили его собственные долги и ложь», – таков был негласный подтекст речи Хартнетт. Этот маневр с «давлением» позволил обвинению очеловечить мотив, сделав его понятным каждому заседателю. У всех бывают долги, у всех бывают проблемы в отношениях, но Хартнетт подчеркнула: Бобби Каттс выбрал самый радикальный способ «реструктуризации задолженности».

Выступление прокурора задало тон всему процессу. Это было дело не об ошибке или случайном ударе локтем, а о человеке, который решил раздавить проблему, когда она стала слишком тяжёлой.

Адвокат Мак попытался выяснить, был ли Каттс подозреваемым с самого начала. Оказалось, когда Джесси Дэвис исчезла, полиция Кантона сработала по классическому учебнику: первым делом под микроскоп попадает партнёр. Когда

детективы пришли к нему с обыском, они не нашли ровным счётом ничего.

Тот факт, что на первом этапе его официально исключили из числа подозреваемых, стал для Каттса промежуточной победой. Он обманул систему изнутри. Его спокойные ответы, отсутствие улик дома и статус сослуживца создали вокруг него «силовое поле» неприкосновенности. Сержант Эрик Вайсберн, который допрашивал Каттса, смотрел в лицо убийце, но видел в нём лишь коллегу, попавшего в неприятную личную ситуацию.

Затем прокуратура перешла к «аудио-вскрытию». В зале включили запись допроса Каттса, и от его голоса по спинам присутствующих побежал холодок. На плёнке Бобби вёл себя как настоящий гроссмейстер манипуляций. Он сомневался в отцовстве, бросая тень на верность Джесси. «Я не уверен, что ребёнок мой», «Она встречалась с другим», – классические попытки очернить жертву, чтобы оправдать собственную жестокость.

Кроме того, он с железной уверенностью в голосе повторял, что пытался дозвониться до Джесси. Прокуроры тут же расставили акценты: эти звонки совершались уже тогда, когда Джесси лежала мёртвой. Самое жуткое – это его интонация. Голос Бобби на записи не дрожал. Он не запинаясь, не путаясь в показаниях, не выдавал волнения. Это был голос профессионала, который годами допрашивал других и теперь использовал все свои навыки, чтобы сплести «изош-

рѐнную паутину лжи».

Ну а потом произошло то, чего вообще никто не ожидал. 1 февраля 2008 года страницы газеты The Plain Dealer взорвались новостью, которая стала громом среди ясного неба: в ходе судебных дебатов будет учтѐн голос... двухлетнего Блейка! Репортѐр Джеймс Эвинджер сообщил, что судья Чарльз Браун решился на смелый шаг, позволив малышу стать полноправным свидетелем обвинения.

Эвинджер напомнил читателям тот леденящий душу рефрен, который Блейк повторял в пустом разгромленном доме: «Мама на ковре». Эти слова стали кровавым компасом для Патти Портер, обнаружившей внука в эпицентре хаоса. В штате Огайо закон обычно возводит возрастной барьер в пять-шесть лет для тех, кто может выступить в суде, но в этот раз правосудие решило, что правда не имеет возраста.

Впрочем, на самом деле никто не собирался вызывать в зал суда главного свидетеля, чей рост едва достигал колена присяжных. Вместо двухлетнего ребёнка на трибуну поднялся сержант Эрик Вайсберн. Он первым приехал по адресу Джесси после звонка Патти Поттер. Осмотрев дом, он решил поговорить с малышом.

Теперь представьте такую картину. Огромный полицейский, чей пояс с амуницией весил больше, чем сам собеседник, был вынужден сложиться вдвое, чтобы оказаться на одном уровне с Блейком. Малыш же от всего пережитого трясся так, будто в стенах родного дома поселился древний де-

мон. И сержанту пришлось прибегнуть к высшему пилотажу следственной тактики – терапии цветными карандашами.

Пока ребёнок сосредоточенно возил грифелем по бумаге, пытаясь раскрасить этот мир, ставший внезапно серым и страшным, Вайсберн аккуратно просеивал через сито его неокрепшее сознание. Это был не допрос, а тонкая археология памяти, где вместо лопаты использовались вопросы о мультиках. И в тот момент, когда синий карандаш замер над листом, из уст младенца вдруг вылетела фраза: «Папа злится».

Подтвердив в суде, что всё так и было, Вайсберн вонзил в защиту Бобби самый острый шип. Короткая фраза ребёнка стала для присяжных эмоциональным камертоном. Пока адвокаты пытались выстроить теорию «случайного удара локтём», за спиной Бобби стояла тень его собственного сына, который своими словами подтвердил: в то утро в доме царил не «бытовой спор», а ярость.

И вот, слово взял сам Бобби Каттс-младший. По сообщениям репортёров, в зале он говорил «тихим хриплым голосом», периодически начиная рыдать так, что судье приходилось просить его говорить в микрофон. История, которую он поведал миру, была настолько нелепой, что в неё мог поверить только очень наивный человек. Или тот, кто очень хотел поверить.

Версия Бобби звучала так. Утром 14 июня он приехал к Джесси, чтобы забрать сына Блейка, так как обещал это

сделать. Джесси спала на полу в спальне. Он попытался её разбудить, но она двигалась слишком медленно. Началась перепалка. Джесси, по его словам, была на взводе и обвинила его в том, что он гулял всю ночь.

Дальше – больше. Бобби заявил, что хотел уйти, но Джесси преградила ему путь. И тут полицейский с многолетним стажем решил... пошутить. Он показал суду, что притворился, будто ковыряет в носу, а потом попытался вытереть палец о Джесси, чтобы она отошла. Шутка года, не правда ли? В ответ Джесси якобы укусила его за палец. Пытаясь вырваться, Бобби размахнулся и «случайно» ударил её локтем прямо в горло.

Один удар. Случайный локоть. И женщина падает замертво. «Паника нарастала», – подытожил «исповедь» Каттска его адвокат Мак. Он подчеркнул, что Бобби пытался сделать ей искусственное дыхание и массаж сердца. А разлитый по всему дому отбеливатель? О, это тоже была случайность, о чём уже говорила Ранке. Якобы Бобби в панике опрокинул бутылку, пытаясь привести Джесси в чувство с помощью резкого запаха.

Если на секунду примерить розовые очки и поверить в этот рассказ, то придется признать, что наш герой и вправду обладал уникальным «даром» мидаса наоборот. И безошибочно выбирал женщин, чья судьба превращалась в зону сейсмической активности. Правда, при условии, что это происходило... под его присмотром. Ну а Джесси в этом хит-па-

раде катастроф, сама того не подозревая, сорвала главный приз.

В те дни страницы газет пестрели заголовками о неуклюжей попытке покаяния Бобби. Джон Кролл из The Plain Dealer писал, что Каттс-младший попытался скормить присяжным историю о «случайной смерти», надеясь превратить намеренное убийство в трагическую осечку судьбы. Телевизионные репортажи рисовали ещё более странную картину. Не упуская даже мелких деталей, Каттс добровольно вёл присяжных по лабиринту своего безумия. Он описывал, как превратил свой пикап в катафалк на колёсах, бесцельно наматывая мили с телом Джесси в кузове. В его рассказе Майша Феррелл стала не просто знакомой, а невольной спутницей в его заплыве по реке Стикс. Бобби признался, что «не мог вечно кружить с этим грузом», пока случайная грунтовая дорога не поманила его в недра парка, предложив стать могильным саваном для его жертвы.

«Я остановился», – прошептал Каттс, вонзив взгляд в потолок, словно надеялся увидеть там прощение или забвение. Когда адвокат Мак спросил, оставил ли он Джесси там, зал наполнился его крокодиловыми слезами. Но самым шокирующим стал рассказ о том, как убийца пытался заговорить реальность. Весь остаток дня он возводил песчаную крепость нормальности: забирал дочь из сада, покупал ей аппарат для сахарной ваты – этот символ детской беззаботности в руках монстра, – стриг газон и, как ни в чем не бывало, заступил

на смену в полицию. Пока тело любовницы остывало в парке, он патрулировал улицы, охраняя закон, который только что растоптал.

Помните, он даже звонил Джесси? «Я надеялся, что она ответит, и этот кошмарный мираж растает», – произнёс он фразу, которая погрузила присяжных в ступор. Комментируя этот пассаж, СМИ писали, что это была попытка вылечить смертельную болезнь пластырем. И что Каттс, возможно, в какой-то момент поверил, что если он будет играть роль добропорядочного гражданина, то труп в лесу превратится в пыль, а его грех – в пустоту. «Я знал, что так не должно было случиться», – твердил Каттс. Он назвал свои действия после смерти Джесси «слабым, неправильным, плохим решением». Девять дней лжи, игра в прятки с полицией, вояж с трупом в багажнике – это у него называлось «плохим решением».

Но прокурор Деннис Барр не купился на этот дешёвый спектакль. На перекрёстном допросе он устроил для Бобби настоящий разнос. Когда Каттс сидел на скамье и картинно всхлипывал, Барр задал вопрос, который вошёл в историю этого процесса: «Мистер Каттс, вы простудились? Потому что я не вижу слёз». Конечно, это был удар ниже пояса, но заслуженный. Барр продолжал давить. «Вы так же “сильно” рыдали, когда выбросили тело Джесси в парке?» – язвительно поинтересовался он. Каттс, загнанный в угол, выдавил: «Да, я плакал после того, как выбросил её тело».

Прокурор методично уничтожал версию о случайности. «Если это был несчастный случай, почему ты не вызвал скорую? Почему не позвонил по «911»? Почему ждал девять дней, пока копы не прижали тебя к стенке?» «Я не думал, что мне кто-то поверит», – жалко оправдывался бывший полицейский. Ну и ну! Человек, который знал систему изнутри, побоялся, что ему не поверят в несчастный случай? Серьёзно?

Барр также подловил его на деталях о ребёнке. Бобби утверждал, что двухлетний Блейк всё это время спал и ничего не видел. «Тогда откуда же Блейк знает, что его мама была завернута в ковер?» – мгновенно среагировал прокурор. Ведь малыш говорил бабушке: «Мама на ковре». Защита тут же вскочила с возражениями, но присяжные всё услышали.

И финальным аккордом стали вопросы о нерождённой дочери. Барр спросил прямо: «Знаешь, что происходит с младенцами, которые находятся в утробе матери и не получают медицинской помощи? Ты думаешь, малышка Хлоя умерла, когда умерла Джесси?» Каттс ответил: «Я не знаю».

Он не знал. Или не хотел знать. Ведь по законам штата Огайо убийство плода, который мог бы выжить вне утробы, приравнивается к убийству человека. А Джесси была на девятом месяце. Хлоя была полностью жизнеспособна. Задумав убить мать, он медленно убил и дочь.

Весь этот фарс с «локтём» и «случайным отбеливателем» рушился на глазах. Оставался только один вопрос: какое на-

казание выберут для копа, который предал всё, что только можно было предать?

Судный день настал 27 февраля 2008 года. Атмосфера в зале суда была наэлектризована до предела. Все понимали: сейчас решается не просто вопрос о том, сколько лет Бобби будет носить тюремную робу, а будет ли он жить вообще. Обвинение в убийстве при отягчающих обстоятельствах открывало прямую дорогу к смертной казни. И тут система дала сбой. Или, наоборот, сработала слишком гуманно. Судья объявил приговор: пожизненное заключение. Бобби Каттс-младший, человек, задушивший беременную женщину и выбросивший её тело в парке, избежал встречи с палачом.

Реакция подсудимого была красноречивее любых слов. По свидетельствам очевидцев, осознав, что ему сохранили жизнь, он едва не запрыгал от радости. Никакого раскаяния, никакой скорби. Только животная радость от того, что его шкура спасена. Но в этот самый момент, когда Бобби мысленно открывал шампанское, произошло нечто странное. Весь зал невольно вздрогнул. В помещении вдруг задрезжали все окна. На улице стояла тихая, безветренная погода, и причин для этого не было никаких.

Местные сплетники тут же нашли объяснение: это призрак президента Мак-Кинли, в чьём зале проходил суд, выразил своё возмущение. Президент, прошептавший перед смертью «Будет исполнена воля Бога», видимо, был не согласен с тем, что детоубийца продолжит дышать.

Впрочем, радость Бобби была преждевременной. Дьявол, как всегда, кроется в деталях. Освещавшие этот процесс репортёры уточнили маленькую, но важную деталь: право на условно-досрочное освобождение Каттс получит только через 57 лет. Ему будет 87 лет, когда он сможет подать прошение. По сути, это билет в один конец. Тюрьма станет его домом престарелых и, скорее всего, его могилой.

Как уже упоминалось, история Бобби Каттса вернулась в информационное поле в 2023 году благодаря мини-сериалу Уилла Меллора. И здесь снова всплыла тень президента Мак-Кинли. Дело в том, что в своё время в честь 25-го президента называли высочайшую гору Северной Америки – Мак-Кинли. В 2015 году Барак Обама вернул ей исконное индейское название – Денали. Но после выхода сериала в народе снова начали называть гору Мак-Кинли. Словно призраком убитого президента и история копа-убийцы сплелись в какой-то странный узел, который не разрубить даже спустя столетие.

Вот такая история. О полицейском, который хотел свободы, а получил клетку. О женщине, которая хотела семьи, а нашла смерть в кузове пикапа. И, конечно, о главной морали, старой как мир. Ты можешь сколько угодно заливать полы в гостиной отбеливателем, пытаясь уничтожить следы преступления. Но в природе ещё не придумали химиката, способного отстирать въевшуюся в душу грязь. Пятна на совести, как выяснилось, не берет ни хлорка, ни время, ни даже

те крокодиловы слезы, которые ты так картинно льёшь перед присяжными.

Бобби Ли Каттс-младший всё ещё сидит. Точнее, продолжает сидеть. И будет дальше сидеть. А призрак Мак-Кинли, возможно, по-прежнему наблюдает за ним оттуда, откуда вообще наблюдают за нашей жизнью все призраки. И если бы он обрёл дар речи, то наверняка бы напомнил, что правосудие иногда бывает медленным, но оно всегда настигает. Даже тех, кто носит значок.

Глава вторая

По прозвищу «Ловкач»

Метка «Х» на алтаре насилия. – Последний занавес в Падстоу. – Эхо в розовом кафеле. – Чемодан Пандоры на Атлантик-авеню. – Театр теней сержанта Дженкинса. – Погребальный костер в Биг-Бере. – Бюджетная арифметика в предбаннике ада. – Навигатор в океане греха. – Документ «393» и призраки Сиднея.

Роджер Калев Роджерсон из Нового Южного Уэльса (Австралия) за свою 28-летнюю карьеру в полиции успел побыть и героем, и злодеем. Одно время он был самым титулованным стражем порядка. Сделав блестящую карьеру, ловя преступников, он заслужил репутацию бесстрашного человека. Тем более удивительно, что закончил он свою жизнь в тюрьме, где отбывал пожизненное заключение. В некрологе The Guardian Australia написала: «Он получил тринадцать наград за храбрость, выдающиеся заслуги в работе полиции и преданность долгу, прежде чем его обвинили в убийстве, торговле запрещенными веществами и злоупотреблении служебным положением».

Итак, обо всём по порядку. Роджер Роджерсон, чьё прозвище «Ловкач» («Dodger») стало золотым ключом от всех дверей, выстроил в Новом Южном Уэльсе настоящую импе-

рию кривых зеркал. Он был центром притяжения для тех, кто носил значок, но в душе служил тьме, разделяя трапезу с такими «звездами» сыска, как Рэй «Стрелок» Келли и Фред Крахе. Но «деловые» связи Роджерсона не ограничивались коррумпированной полицией: он сплел ядовитую паутину с королями преступного дна – Эйбом Сафроном, Кристофером Флэннери и Артуром «Недди» Смитом.

Для Смита, профессионального хищника и торговца дурманом, Роджерсон стал ангелом-хранителем с тёмными крыльями, зажёгшим для него вечный «зелёный свет» на любые бесчинства. В этой экосистеме греха Флэннери выступал в роли хирургического скальпеля, специализируясь на том, чтобы обрывать чужие жизни по заказу. По мнению криминального репортёра Кэрри Феллнер, сам Роджерсон превратил насилие в высокое искусство выживания. На его счету 10 прерванных жизней – кровавый список, который мог бы стать основой для учебника по «юридической алхимии» под названием «Как превратить смертный грех в чистую воду». В своём журналистском расследовании Феллнер срывает покровы с этого кладбища секретов, поименно называя тех, чьи голоса были навеки заглушены этим архитектором узаконенных убийств.

Филлип Вестерн (1976)

В 1976 году ищейки из отряда по борьбе с грабежами заглянули в угол опасного хищника – налётчика, чьи руки были по локоть в крови после убийства банкира. Развязка на-

ступила на Центральном побережье: когда преступник попытался выскользнуть из окна старого каркасного дома, воздух разорвал стальной ливень. Роджерсон с гордостью примерял на себя лавры «палача», бахвался в документальном фильме: «Мы снесли ему голову». Его бравада граничила с садизмом: позже он со смехом вспоминал, что тело Вестерна превратилось в кровавое решето, и опознать этот «фарш» можно было разве что по вросшим ногтям на ногах.

Лоуренс «Батчи» Бёрнс (1978)

На оживленном Анзак-Парад в Кингсфорде тишина взорвалась грохотом выстрелов, когда Бёрнс попытался сорвать куш, похитив банковскую выручку. Но Роджерсон и его «охотники за головами» уже сплели свою смертоносную паутину. Засада сработала в тот миг, когда добыча уже была в руках Бёрнса, а двигатель машины готов был взречь. На этот раз «Ловкач» не делил славу ни с кем: его пуля поставила финальную точку. Роджерсон цинично резюмировал, что Бёрнс «выпал из машины мёртвым как гвоздь».

Уоррен Ланфранки (1981)

В Чиппендейле, на старой водосточной трубе, время до сих пор хранит выгравированную букву «Х» – жёсткое клеймо истории, поставленное в том месте, где Роджерсон застрелил торговца запрещенными веществами Уоррена Ланфранки. Местные журналисты, захлёбываясь от восторга и ужаса, окрестили эту бойню «Полднем на Дангар-Плейс», превратив грязную стычку в подобие вестерна. В ходе рас-

следования было установлено, что Роджерсон смертельно ранил Ланфранки при попытке его арестовать, но суд присяжных отказался признать, что выстрелы были произведены в целях самообороны. Роджерсону так и не предъявили обвинений.

Лин Вудворд (1981)

Судьба Лин Вудворд, модели и обитательницы ночного мира, стала трагической иллюстрацией того, как опасно переходить дорогу «оборотням». Она исчезла в самый разгар судебной битвы, когда её голос начал звучать диссонансом к складной песне Роджерсона о смерти Ланфранки. Лин была готова сорвать покровы с его лжи, но тьма поглотила её быстрее, чем правосудие успело прислушаться.

В криминальных кругах шептались, что Роджерсон самовольно поставил точку в её жизни после яростной ссоры в Александрийском парке, превратив живого свидетеля в безмолвную тень. Сам «Ловкач» с привычным ледяным спокойствием отметал эти обвинения, как назойливую пыль. В очередной раз Фемида опустила меч, так и не найдя улик в этом тумане недомолвок и страха, и дело Лин Вудворд осталось ещё одной нераскрытой главой в его кровавой биографии.

Льютон Шу (1983)

Льютон Шу, мелкий делец в царстве белого порошка, решил сыграть в опасную игру, попытавшись усидеть на двух стульях. Став информатором, он превратился в живую ми-

шень, на которой скрестились взгляды и закона, и преступного дна. В январе 1983 года его путь оборвался: в Королевском национальном парке, под шум водопада, земля неохотно приняла его тело в неглубокую, наспех вырытую могилу, ставшую финальным убежищем для предателя.

Тень Роджерсона легла и на этот холмик земли. Его поделщик Макнамара позже вспоминал, как «Ловкач» с ледяным спокойствием признал свою роль в этой расправе. Для Роджерсона Шу был лишь заигравшимся актёром, который вообразил, будто сможет перехитрить своих кукловодов. Цинизм «Ловкача» не знал границ: он преподнес это убийство как дружескую услугу, заявив, что просто «помог своим китайским друзьям подрезать крылья» человеку, который слишком высоко взлетел в своих амбициях.

Роберт «Прыгающий Джек» Ричардсон (1984)

Роберт Ричардсон, чей никнейм «Прыгающий Джек» намекал на его изворотливость, в 1984 году совершил свой последний прыжок – прямо в объятия смерти. Его тело, ставшее немой уликой, было брошено в глухих кустах в сотне километров от Мельбурна. Жизнь главы наркосиндиката оборвалась ровно за сутки до того, как он должен был предстать перед храмом Фемиды: правосудие уже заносило над ним меч по делу о героиновом заговоре, но пуля киллера оказалась быстрее судебного молотка.

Следствие уверено: Ричардсона заманили в Страт-Крик, словно зверя на приманку, пообещав спасение, а подарив

вечный покой. В этом деле снова возникла зловещая тень Роджерсона. Полиция штата Виктория вписала его имя в список «лиц, представляющих интерес», чувствуя его незримое присутствие в этом кровавом спектакле. И хотя прямых улик, чтобы надеть на «Ловкача» наручники, не хватило, для многих было очевидно: там, где за день до суда замолкают важные свидетели, всегда витает ледяное дыхание этого зодчего коррупции.

Майкл Друри (1984)

В 1984 году привычный уют дома в Чатсворде превратился в театр кровавого абсурда. Майкл Друри, охотник за торговцами запрещенными веществами, привыкший к опасностям подворотни, получил две пули в живот прямо на собственной кухне – там, где пахнет кофе, а не порохом. Понимая, что он не выживет, Друри указал на Роджерсона, назвав его режиссёром своей гибели. Вина Друри в глазах «оборотней» была непростительной – он отказался взять «грязное золото», предложенное за свободу героинового короля Алана Уильямса.

Но Роджерсон снова продемонстрировал свое дьявольское искусство выходить сухим из кровавого ливня. Позже полицейские отчёты прямо называли это следствие «спектаклем в дымовой завесе», где все острые углы были тщательно спилены, а Роджерсон выступал как дирижер этой симфонии лжи. Даже Королевская комиссия, призванная выжечь коррупцию калёным железом, лишь бессильно раз-

вела руками. Все доказательства рассыпались в пыль, оставив Роджерсона с его непоколебимым нимбом неприкасаемого.

Кристофер Дейл Флэннери (1985)

Когда в 1985 году киллер Кристофер Флэннери по прозвищу «Арендуй убийство» бесследно растворился в тених Сиднея, Роджерсон не проявил никаких эмоций. Для него исчезновение «соратника» было лишь удалением занозы, ставшей слишком болезненной. С ледяным спокойствием «Ловкач» окрестил покойного «настоящим вредителем», который сорвался с поводка и перестал слышать голос своего кукловода.

Однако за этим показным равнодушием скрывался смертоносный расчёт. В кулуарах расследования шептались, что Роджерсон лично вынес Флэннери «смертный приговор», обронив своим сообщникам фразу, пахнущую порохом: «Он должен уйти, этот парень становится ядовитым туманом для всей нашей стаи». Кристофер превратился из острого скальпеля в неуправляемую гранату, и Роджерсон предпочел обезвредить её раньше, чем прогремит взрыв.

Коронер Грег Гласс прямо заявил, что найдёт отпечатки пальцев Роджерсона на этой невидимой могиле, но юридическая машина вновь забуксовала. «Ловкач» в очередной раз выстроил непроницаемую стену из молчания и отсутствия улик, оставив смерть Флэннери еще одним нераскрытым томом в своей бесконечной летописи безнаказанности.

Салли-Энн Хакстепп (1986)

«Это Хакстепп», – возглас одного из детективов прозвучал в тот момент, когда в 1986 году полицейские вытягивали на берег безжизненное тело, дрейфовавшее в мутных водах пруда Басби. Салли-Энн Хакстепп давно стала для полиции Нового Южного Уэльса костью в горле и живым напоминанием о грехах, которые пытались похоронить под сукном.

Пятью годами ранее она совершила невозможное: вышла под свет софитов на национальном ТВ и швырнула перчатку в лицо самому Роджерсону. Она назвала его палачом своего возлюбленного, заявив, что «Ловкач» не просто оборвал жизнь Ланфранки, но и обчистил его остывающие карманы, забрав 10 000 долларов как кровавый трофей. После этого сенсационного разоблачения, ставшего ударом колокола по репутации всей полиции, Салли-Энн превратилась в тень, пытаясь скрыться от ищеек, которых сама же и разозлила.

Но щупальца системы оказались длиннее её надежд. Смерть Хакстепп от удушения стала зловещим финалом: кто-то буквально перекрыл ей кислород, превратив «соловья коррупции» в немую утопленницу. Тень Роджерсона и его верного цепного пса «Недди» Смита снова накрыла место преступления, но Фемида вновь оказалась слепа и немощна. Роджерсон в очередной раз проскользнул сквозь ячейку закона, а Смит вышел из зала суда с оправдательным приговором, оставив правду покоиться на дне пруда Сентенниал-парка.

К слову, расследование по делу Друри стало для Роджерсона началом конца его золотой эпохи. В 1984 году он был отстранён от службы в полиции Нового Южного Уэльса, а в 1986-м – официально уволен. Хотя в 1989 году ему удалось в очередной раз отбиться от обвинений в заговоре с целью убийства, его репутация была не просто подмочена – она превратилась в ядовитое болото, став символом гнили, поразившей всю полицию Нового Южного Уэльса.

В 1992 году удача, этот капризный ангел-хранитель Роджерсона, окончательно отвернулась. «Ловкач» впервые примерил тюремную робу. Его подвёл не мокрый заказ, а бухгалтерия греха. Попытка спрятать 110 000 долларов за лесом поддельных документов обернулась трёхлетним сроком. Это была первая серьёзная пробоина в его «тефлоновом» щите, доказавшая, что даже самый искусный дизайнер интерьеров лжи рано или поздно спотыкается о собственные чертежи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.